

SYNOPSIS

Michail Bezrodnyj

На полях басни Крылова «Осел и Соловей»

«Стихотворцы наши порывались выразить на русском языке разнообразные переливы соловьиной песни, пока наконец Крылов не решил задачи», — писал Я. К. Грот¹, имея в виду, вероятно, следующее место в басне «Осел и Соловей»:

Тут Соловей являть свое искусство стал:
Защелкал, засвистал
На тысячу ладов, тянул, переливался;
То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался,
То мелкой дробью вдруг по роще рассыпался.

Следующие затем строки:

Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры

Грот сопоставлял с:

И всю себя внимать природу заставляет

из «Обители Добрады» Державина и замечал также, что «для родословной крыловского *Соловья* не лишены интереса следующие, хотя и плохие, стихи известного Михайлы Попова²»:

© Michail Bezrodnyj, 2014

© TSQ № 48. Spring 2014

Статья была написана для TSQ № 47, посвященного И. З. Серману, но по техническим причинам напечатана не была.

¹ Грот Я. Примечания // Державин Г. Р. Соч.: В 9 т. СПб., 1864. Т. 1. С. 696.

² Там же. 1869. Т. 2. С. 456.

Урчал, дробил, визжал, кудряво, густо, тонко,
Порывно, косно вдруг, вдруг томно, нежно, звонко,
Стенал, хрипел, щелкал, скрипел, тянул, вилял,
И разностью такой людей и птиц пленял.

«Соловей» Попова, как и «Соловей» Державина, возникли, по мнению Грота, под влиянием описания соловьиного пения в «Риторике» Ломоносова (каковое описание, в свою очередь, восходит к 10-й, «птичьей», книге «Естественной истории» Плиния):

Коль великого удивления сие достойно! В толь маленьком горлышке нежной птички толикое напряжение и сила голоса! Ибо когда, вызван теплотою вешнего дня, взлетает на ветвь высокого дерева, внезапно то голос без отдыху напрягает, то различно перебегает, то ударяет с отрывом, то крутит кверху и книзу, то вдруг приятную песнь произносит, и между сильным возвышением урчит нежно, свистит, щелкает, поводит, хрипит, дробит, стонет утомленно, стремительно, густо, тонко, резко, тупо, гладко, кудряво, жалко, порывно.

В. В. Виноградов относит к этой традиции изображения «соловьиного пения профессионально-глагольными обозначениями или скоплением эмоциональных наречий»³, помимо стихов Попова и Державина, «Ошибку» И. Чернявского, где:

Певец природы сладкогласный,
Сокрывшись в густоте ветвей...
Томится, въздыхает, стонет,
Замолк, затих, въздохнет, заноет,
Задрезбезжит, засвищует вновь;
Урчит, свистит, гремит, щелкает,
Крутит, дробит, перебирает —
Хохочет эхо меж холмов

и «Соловья и Кукушку» Пушкина, где:

³ Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей от Карамзина до Гоголя. М., 1990. С. 168.

В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец многообразный
Урчит, и свищет, и гремит⁴.

Что же касается басни «Осел и Соловей», то в ней, по мнению Виноградова, объединяются карамзинская и державинская традиции изображения соловьиного пения. Прочитывая «Соловья» Карамзина:

Какое чудное искусство!
Сперва как дальняя свирель
Петь тихо, нежно начинаешь
И всё к вниманию склоняешь;
Сперва приятный свист и трель —
Потом, свой голос возвышая
И чувство чувством оживляя,
Стремишь ты песнь свою рекой:
Как волны мчатся за волной,
Легко, свободно, без преграды,
Так быстрые твои *рулады*
Сливаются одна с другой;
Гремишь... и вдруг ослабеваешь;
Журчишь, как томный ручеек;
С любезной кротостью вздыхаешь,
Как нежный майский ветерок...

Виноградов пишет: «Крылов включает в свой стиль и карамзинское слово *искусство*, и сравнение с дальней свирелью. С карамзинским же стилем перекликаются стихи:

То нежно он ослабевал
И томной вдалеке свирелью отдавался.

⁴ Там же. С. 170. Ср.: Виноградов В. В. *Стиль Пушкина*. М., 1941. С. 214. Ср. других урчащих и свищущих соловьев XIX в. — у Лермонтова: «Урчит и свищет меж листов душистых» (перекличка с Пушкиным отмечена в: Голованова Т. П., Лапкина Г. А., Михайлова А. Н. *Примечания // Лермонтов М. Ю. Соч.: В 6 т. М.; Л., 1955. Т. 4. С. 402*), Фета: «Где свистал и урчал соловей» и Полонского: «За прудом, где-то в роще, урчит соловей...»

Но Крылов сохраняет и восходящие к Ломоносову, принятые Державиным глаголы *защелкал, засвистал*. Он применяет употребленный М. Поповым глагол „тянул“, вводит глагол „переливался“ (ср. у Державина „перекаты“; у Державина и Карамзина также — „журчишь“⁵). Кроме того, встречающийся у Ломоносова, Попова, Чернявского и других глагол „дробить“ для обозначения одного из ладов соловьиного пения у Крылова заменен поэтическим образом:

То мелкой дробью вдруг по рощам рассыпался.

Понятно, что карамзинские рулады Крыловым исключены, а вместо этого явилось народное выражение „на тысячу ладов“»⁶.

Попробуем продолжить предпринятую Гротом и Виноградовым⁷ реконструкцию источников «Осла и Соловья».

⁵ Ср. также у Карамзина «сливаются», а в другом «Соловье» 1790-х — М. Магницкого — «переливается» (там же «Со щелком сыплется, дробится»). На крыловские переключки с «Соловьем» Магницкого наше внимание обратил блогер 9in_10in.

⁶ Виноградов В. В. Язык и стиль... С. 171.

⁷ Последний опирался на некоторые наблюдения Г. А. Гуковского (см.: Чудаков А. П. Примечания // Виноградов В. В. Язык и стиль... С. 369). Собрания Грота и Виноградова не были учтены в известных нам комментариях к басне «Осел и Соловей». В их основе лежит распространенное представление о басенном творчестве как способе сведения счетов с современниками; комментаторы цитируют или пересказывают следующее свидетельство: «Какой-то вельможа (по словам одних, гр. Разумовский, по другим, кн. А. Н. Голицын), может быть, следуя примеру имп. Марии Федоровны, покровительствовавшей поэту, а может быть, искренно желая свести с ним знакомство, пригласил его к себе и просил прочесть две-три басенки. Крылов артистически прочитал несколько басен, в том числе одну, заимствованную у Лафонтена. Вельможа выслушал их благосклонно и глубокомысленно сказал: „Это хорошо; но почему вы не переводите так, как Ив. Ив. Дмитриев?“ — „Не умею“, — скромно отвечал поэт. Тем разговор и кончился. Возвратясь домой, задетый за живое, баснописец вылил свою желчь в басне „Осел и Соловей“. Что все действующие лица этой басни и отношения между ними — намеки на действительность, в этом нельзя сомневаться...» (цит. по: Кеневич В. Ф. Из «Библиографических и исторических примечаний к басням Крылова» // И. А. Крылов в воспоминаниях современников.

Во-первых, подключим к их числу державинского «Соловья во сне», где:

То звучал, то отдавался,
То стонал, то усмехался

— именно с этим местом (а не с «карамзинским стилем») перекликаются у Крылова и глагол «отдавался», и сама конструкция с повторяющимся союзом «то ... то ...»⁸.

Отметим и то, что влияние «Соловья» Попова не исчерпывается сходством в изображениях соловьиного пения — вызванный им эффект описывается также похоже. Едва воздав певцу должное:

М., 1982. С. 303). Согласно другой версии, в роли Осла автор вывел П. А. Вяземского, который ставил басни Дмитриева выше крыловских (см.: Вяземский П. А. Из статьи «Известие о жизни и стихотворениях Ивана Ивановича Дмитриева»: Приписка; Гордин А. М., Гордин М. А. Комментарии // Там же. С. 169—176; 415—420). Первая версия приводится в комментариях Н. Л. Степанова (см., напр., в изд.: Крылов И. А. Полн. собр. соч.: В 3 т. М., 1946. Т. 3; Крылов И. А. Басни и стихотворения. Л., 1954; Крылов И. А. Соч.: В 2 т. М., 1956. Т. 1), А. П. Могилянско (см.: Крылов И. А. Басни. М.; Л., 1956 (http://imwerden.de/pdf/krylov_basni_1956_text.pdf)) и С. А. Фомичева, который, впрочем, упоминает и о существовании второй версии (см.: Крылов И. А. Соч.: В 2 т. М., 1984. Т. 2). Относительно обоснованности этих и подобных им версий В. П. Степанов пишет: «Свидетельства мемуаристов В. Т. Пласкина, И.-Г. Кенига, М. А. Дмитриева <...> о том, что Крылов данной басней отвечал на критические противопоставления басенной манеры И. И. Дмитриева собственному баснописному творчеству (в частности, в статье В. А. Жуковского «О басне и баснях Крылова», 1809 г.) нельзя считать достаточно убедительными» (Степанов В. П. Примечания // Русская басня XVIII—XIX веков. Л., 1977. С. 581), однако иного объяснения не предлагает. Вопрос о небиографических импульсах был поднят (но тут же, увы, опущен) Могилянским, написавшим, что в (неопубликованной) диссертации Б. И. Коплана «некоторые черты» этой басни сопоставлены «с притчей М. И. Попова „Соловей“» (Могилянский А. П. Примечания // Крылов И. А. Басни. М.; Л., 1956. С. 369).

⁸ Ср. у Языкова: «Яснеет лес, проснулся соловей, / И песнь его то звучно раздается / По зеркалу серебряных зыбей; / То тихая и сладостная, летяся» и «То сладостной, то величавый / Весенний свищет соловей».

Попов:

И говорил: «Куда как ты поешь изрядно!
Не могут птички все наслушаться тебя»

Крылов:

«Изрядно, — говорит, — сказать неложно,
Тебя без скуки слушать можно»

слушатель приступает к критике.

Далее, заметим, что стихотворение Попова — вольный перевод басни Геллерта «Die Nachtigall und die Lerche» (1746), ставшей, по словам В. Н. Топорова, «для целого ряда русских поэтов (начиная с рубежа 60—70-х гг. XVIII в.) тем центром, вокруг которого формировалась одна из ранних версий „соловьиного“ текста русской литературы»⁹. Помимо Попова эту басню переводил М. Муравьев («Соловей и Жаворонок»). К переводам и вариациям на тему «Die Nachtigall und die Lerche» Топоров причисляет «Соловья и Лягушек» Хераскова¹⁰, «Соловья и Ворон» Хемницера¹¹ и «Весну» В. Петрова¹².

Этот перечень стоит пополнить «Ослом и Соловьем» — и не только из-за переключек с «Соловьем» Попова. Переводя Геллерта, Попов заменил развернутое описание эффекта, производимого соловьиным пением, изображением этого последнего. У Крылова же описаны как пение, так и реакция на него, и если в первом случае он ориентировался на Попова

⁹ Топоров В. Н. Из истории русской литературы. Т. 2: Рус. лит. 2-й пол. XVIII в.: Исслед., материалы, публ.: М. Н. Муравьев: Введение в творческое наследие. Кн. 2. М., 2003. С. 279.

¹⁰ Там же. С. 277—278.

¹¹ Топоров называет ее «наиболее точным и профессиональным» переводом басни Геллерта (Там же. С. 281). Ошибочность этого утверждения (из перечисленных произведений наиболее точен перевод Муравьева, а «Соловья и Ворона» не являются даже вольным переводом «Die Nachtigall und die Lerche») объясняется тем, что цитируемая работа Топорова («К „соловьиному“ тексту русской литературы (XVIII век): Предыстория; Державинские опыты; Карамзин; Общая картина и перспективы») представляет собою далеку от завершения рукопись. Оговорки публикаторов на сей счет см.: От редакции // Там же. С. 7—8.

¹² Там же. С. 279.

и других своих русских предшественников, то во втором — на самого Геллерта:

Gellert:

Die Nachtigall sang einst mit vieler Kunst;
Ihr Lied erwarb der ganzen Gegend Gunst;
Die Blätter in den Gipfeln schwiegen
Und fühlten ein geheim Vergnügen.
Der Vögel Chor vergaß der Ruh'
Und hörte Philomelen zu.
Aurora selbst verzog am Horizonte,
Weil sie die Sängerin nicht g'nug bewundern konnte.

Крылов:

Тут Соловей являть свое искусство стал: ...

Внимало всё тогда
Любимцу и певцу Авроры;
Затихли ветерки, замолкли птичек хоры...

Предположение о влиянии «Die Nachtigall und die Lerche» и перевода Попова на «Осла и Соловья» подтверждается и звуковой переключкой — в зачинах у Геллерта и Попова и в композиционно аналогичном месте у Крылова:

Die Nachtigall sang einst mit vieler Kunst

Свистал на кустике когда-то Соловей

Тут Соловей являть свое искусство стал

И последнее. Реконструируя ранние пласты «соловьиного текста» русской литературы, Топоров обращал внимание на устойчивую тенденцию к обыгрыванию переключки слов *соловей* (*славий*), *слово* и *слава*¹³. Заметим, что сродни анаграмматизму и имитация соловьиного пения путем комбинирования С, Л, В, Т и их сочетаний. Так, в крыловской строке «Тут Соловей

¹³ Там же. С. 268—273.

являть свое искусство стад» их монополию нарушает лишь один консонант. Насыщен ими и зачин другой известной истории с ангитезой осли и соловья: «Я домаю слоистые скады / В час отдива на идистом дне». С сериями глаголов, обозначающих разные колена и лады, конкурируют зачастую одиночные глаголы — звукоподражательные или становящиеся таковыми благодаря скоплению С, Л, В, Т: соловей у В. Майкова «высвистывал любовь», у Фета «блаженствовал в песне над нами». Понуждающее к артикуляционному сопереживанию скопление консонантов этой группы доводится до четырех — у Манделштама: «Как соловей сиротствующий славит»¹⁴ и у Пастернака: «Неистовствовал соловей»¹⁵.

Басенное противопоставление соловья безблагодатным конкурентам и неблагодарным слушателям будет интериоризировано у Блока: его соловей и осел воплощают полюса наслаждения и долга. И снято у Пастернака: поэзия — состязание равных, «двух соловьев поединок».

¹⁴ Пример подсказан Лорой Ангеловой Кутановой.

¹⁵ «Неистовствовал соловей» это, собственно, результат скрещения «Неистовствовал Водолей» (Лившиц) и «Насвистывает соловей» (Крылов).